

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ
ЖАЛОБА
«КАИМОВА И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»
(№24132/12)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СТРАСБУРГ
21 ноября 2017 года

Это постановление является окончательным, текст может быть подвергнут редакции.

В деле "Каимова и другие против России"

Европейский суд по правам человека (Третья секция), заседавая Комитетом в следующем составе:

Branko Lubarda, *Председатель,*

Pere Pastor Vilanova,

Georgios A. Serghides, *судьи,*

и Stephen Phillips, *Секретарь Секции,*

Проведя 31 октября 2017 г. совещание за закрытыми дверями,

Вынес следующее постановление, принятое в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№24132/12), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») тремя гражданами России, Дамани Каимовой, Марьям Молдыевной Каимовой и Зариной Тамиевной Масхуровой (далее – «заявители») 11 апреля 2012 г.

2. Заявителей в Европейском Суде представляли Э. Весселинк, В. Коган и А. Кушлейко, юристы неправительственных организаций SRJI и «Правовое содействие – Астрейя». Российскую Федерацию (далее -- «Государство-ответчик») представлял Г. Матюшкин, Представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, а затем сменивший его на этом посту М. Гальперин.

3. Заявители, в частности, утверждали, что их родственник г-н Молды Лом-Алиевич Каимов (далее – «Каимов») умер в заключении из-за отсутствия адекватной медицинской помощи и что по факту его смерти не было проведено эффективное расследование.

4. 3 декабря 2014 г. вышеназванные жалобы были коммуницированы Государству-ответчику, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с правилом 54 § 3 Регламента Суда.

5. Государство-ответчик возражало против рассмотрения жалобы Комитетом. Рассмотрев возражение Государства-ответчика, Суд отклоняет его.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Дамани Каимова, Марьям Молдыевна Каимова и Зарина Тамиевна Масхурова родились, соответственно, 16 февраля 1953 г., 13 января 2005 г. и 18 сентября 1981 г. Они живут в Чеченской Республике. Первая заявительница – мать, вторая заявительница – дочь, а третья заявительница – вдова покойного Каимова.

A. Уголовное дело в отношении Каимова

7. 23 сентября 2006 г. Каимов был арестован за участие в незаконном вооруженном формировании в Чеченской Республике. Он содержался под стражей на протяжении всего периода следствия и суда. 1 ноября 2006 г. Ачхой-Мартановский районный суд Чеченской Республики признал его виновным по обвинениям, связанным с участием в вооруженном формировании и незаконным приобретением оружия. Он был приговорен к двум с половиной годам лишения свободы.

8. Наряду с этим ему были предъявлены обвинения в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов, изготовлении взрывного устройства и других преступлениях. 28 октября 2008 г. Верховным судом Чеченской Республики он был признан виновным по всем предъявленным обвинениям и приговорен к шести с половиной годам лишения свободы.

B. Состояние здоровья Каимова и его лечение в заключении

9. До задержания у Каимова был диагностирован туберкулез, по поводу которого он получал амбулаторное лечение в местной больнице.

10. При поступлении в следственный изолятор Каимов уведомил его руководство о туберкулезе. Проведенная в январе 2007 г. рентгеноскопия грудной клетки выявила у него признаки этого заболевания. Было назначено стандартное лечение препаратами первой линии.

11. В начале 2009 г. Каимов был направлен для отбывания наказания в Республику Татарстан. В марте 2009 г. он поступил в ФКУ

ЛИУ-1 г. Нижнекамск, где его туберкулез был вылечен, что подтверждено заключением медкомиссии от 7 июня 2009 г.

12. 2 октября 2009 г. Каимов был выписан из ЛИУ и направлен в следственный изолятор ИЗ-16/2 г. Казань. Вскоре после этого его здоровье ухудшилось.

13. 28 октября 2009 г. администрация следственного изолятора распорядилась о переводе его в больницу для осужденных ФГУ ИК-2 г. Казань («БДО»), где Каимову был поставлен диагноз «туберкулез правого легкого в фазе распада». Ему было назначено лечение препаратами второй линии.

14. В феврале и марте 2010 г. врачи отметили прогрессирование заболевания. В это время у Каимова началось кровохарканье. Благодаря скорректированной интенсивной схеме лечения, его состояние удалось взять под контроль.

15. 14 апреля 2010 г. в ответ на «халатное отношение Каимова к лечению» врач провел с ним беседу о важности регулярного приема лекарств. 22 апреля и 1 мая 2010 г. врач провел с ним повторные беседы по этому вопросу.

16. В конце мая 2010 г. первая заявительница навестила своего сына. Состояние здоровья Каимова было плохим. Он утверждал, что ему не дают никакого лечения и что медицинский персонал не обращает на его состояние «абсолютно никакого внимания».

17. 22 апреля, 31 мая и 8 июня 2010 г. лечащий врач Каимова вновь отметил в медицинской карте, что пациент не принимает прописанные ему лекарства, и подчеркнул, что пациент должен соблюдать медицинские предписания. Каимов не расписывался под записями в своей медицинской карте.

18. К середине июня 2010 г. состояние Каимова стало тяжелым. Он был не в состоянии встать с кровати.

19. 24 июня 2010 г. один из заключенных СИЗО предположительно сообщил первой заявительнице, что состояние здоровья ее сына стало очень тяжелым и что его не лечат.

20. Через четыре дня адвокат К., сотрудничающий с «Правовой инициативой», разговаривал с Каимовым в БДО. Каимов сказал, что не получал лекарств, поскольку в БДО их не было в наличии. Руководство БДО отказывалось принимать передачи с лекарствами для заключенных.

21. 1 июля 2010 г. Каимов скончался от сердечной недостаточности, вызванной туберкулезом. Первая заявительница не дала разрешение на проведение вскрытия.

С. Следствие по уголовному делу о смерти Каимова

22. Государство-ответчик утверждает, что следственные органы провели расследование обстоятельств смерти Каимова, завершившееся

постановлением от 21 июля 2010 г. об отказе в возбуждении уголовного дела.

23. 22 ноября 2010 г. адвокат К. обратился к главе СУ Следственного комитета РФ по Республике Татарстан с просьбой провести расследование обстоятельств смерти Каимова. Адвокат К. отметил, что заключенный жаловался на отсутствие лечения в заключении. К просьбе прилагалась копия записи беседы с Каимовым от 28 июня 2010 г.

24. Следственные органы опросили К., который подтвердил сделанные заявления, и врача И. – руководителя туберкулезного отделения, отвечавшего за лечение Каимова в 2009 и 2010 гг. Врач заявила, что пациент получал противотуберкулезное лечение до конца мая 2010 г., а затем отказался принимать лекарства.

25. 6 декабря 2010 г. со ссылкой на показания И. следствие пришло к выводу об отсутствии признаков халатности в действиях медиков. В возбуждении уголовного дела было решено отказать.

26. Три недели спустя следователь вышестоящего следственного органа отменил данное решение, отметив, что следствие не было проведено добросовестно – в частности, не были собраны медицинские документы.

27. 5 января 2011 г. следователь вновь отказал в возбуждении уголовного дела. Это решение было отменено судом вышестоящей инстанции 15 марта 2011 г. из-за отсутствия необходимых следственных действий в связи с неустранением недостатков следствия, выявленных в ходе предыдущей проверки.

28. Через двенадцать дней после отмены его предыдущего решения следователь вновь отказал в возбуждении уголовного дела на основании тех же доказательств и доводов, что и раньше.

29. Тем временем адвокат К. обратился в Центральный межрайонный следственный отдел СУ СК РФ по Республике Татарстан с новым сообщением о преступлении. В своем обращении он просил проверить, являлось ли предполагаемое бездействие медицинских учреждений неоказанием медицинской помощи, за которое предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с УК РФ. 10 мая 2011 г. дело было направлено в районный отдел полиции «Промышленный» г. Казань.

30. Следователь полиции опросил фтизиатра, лечившего Каимова, и медсестру БДО. Они единодушно заявили, что пациент отказался от лечения.

31. 29 мая 2011 г. следователь отказал в возбуждении уголовного дела. На основании показаний фтизиатра и медсестры и изучения медицинской карты Каимова он сделал вывод, что причиной смерти было опрометчивое решение Каимова не принимать прописанные лекарства и что медиками были предприняты все возможные на разумных основаниях шаги с целью убедить его возобновить лечение.

32. Первая заявительница обжаловала решение от 29 мая 2011 г. Ее жалоба была отклонена в последней инстанции Верховным судом Республики Татарстан 11 октября 2011 г. Суды пришли к выводу, что расследование обстоятельств смерти Каимова было тщательным и всесторонним. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела было основано на изучении медицинской карты и показаний ряда свидетелей, в том числе медицинского персонала БДО. Суды согласились с выводом следователя о том, что Каимов отказался от лечения и не выполнял рекомендации медицинского персонала. Суды также отметили, что первая заявительница в то время знала о поведении Каимова и не жаловалась на качество лечения.

33. После коммуникации жалобы Правительству РФ оно заявило, что 13 и 26 февраля 2015 г. решения от 27 марта и 29 мая 2011 г., соответственно, были отменены вышестоящими органами и назначено проведение дополнительных следственных действий. В частности, была назначена медицинская экспертиза.

34. Согласно корреспонденции заявителей от 3 июля 2015 г., следствие по уголовному делу продолжалось. Никакой новой информации о его результатах не получено.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

35. Применимые положения внутригосударственного и международного права об охране здоровья заключенных в целом изложены в постановлении по делу *Ivko v. Russia* (no. 30575/08, §§ 55-62, 15 декабря 2015 г.).

36. Нормы, касающиеся отказа пациента от медицинского вмешательства, изложены в статье 33 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» (Федеральный закон № 5487-1 от 22 июля 1993 г.). Действовавшая на тот момент формулировка статьи 33 предусматривала, что пациент или его законный представитель имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения. При отказе от медицинского вмешательства гражданину или его законному представителю в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия такого отказа. Отказ от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий оформляется записью в медицинской документации и подписывается гражданином либо его законным представителем, а также медицинским работником.

37. Приказами Министерства юстиции РФ № 190 и Минздравсоцразвития РФ № 640 от 17 октября 2005 г. установлен порядок организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание и заключенным под стражу. В соответствии с п. 39 отказ подозреваемого, обвиняемого или осужденного от предлагаемого ему

обследования, лечения, иного медицинского вмешательства оформляется соответствующей записью в медицинской документации и подтверждается его личной подписью, а также подписью медицинского работника. При этом должна быть проведена беседа, в которой лицу в доступной форме разъясняются возможные последствия такого отказа. Нежелание лица подтверждать свой отказ личной подписью обсуждается медицинскими работниками и фиксируется в медицинской документации.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

38. Заявители жаловались, что власти не предоставили Каимову адекватную медицинскую помощь по поводу туберкулеза и тем самым несут ответственность за его страдания и смерть. Заявители также жаловались, что расследование обстоятельств смерти Каимова не было ни адекватным, ни эффективным.

39. Суд считает, что эти жалобы подлежат рассмотрению согласно Статье 2 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. ...»

A. Доводы сторон

40. Государство-ответчик утверждало, что в медицинских учреждениях Каимову была оказана адекватная медицинская помощь. Результатом было его выздоровление от туберкулеза в июне 2009 г. После рецидива заболевания он поступил в соответствующее медицинское учреждение, полностью укомплектованное персоналом и оборудованное для лечения. Государство представило дипломы и сертификаты в подтверждение квалификации врачей, участвовавших в лечении Каимова. Государство-ответчик заявило, что причиной ухудшения состояния здоровья пациента был его отказ от лечения в мае 2010 г., который врачи вынуждены были принять. Далее Государство утверждало, что расследование удовлетворяло требованиям Статьи 2 Конвенции. Решение отказать в возбуждении уголовного дела было отменено в феврале 2015 г., и было назначено проведение ряда дополнительных следственных действий, в том числе медицинских экспертиз.

41. Заявители возражали, что Каимов не отказывался принимать прописанные ему лекарства. Тюремные власти не выдавали ему прописанные лекарства, потому что эти лекарства у них отсутствовали, и в любом случае его лечение было неэффективным. Заявители

усомнились в квалификации врачей и в достоверности показаний врача И. В частности, со ссылкой на представленные Государством-ответчиком документы, заявители отметили, что с 7 апреля по 3 июня 2010 г. врач И. проходила курс медицинской подготовки объемом 288 часов и, соответственно, не могла быть свидетелем отказа Каимова от лечения туберкулеза. Заявители отметили, что несмотря на неоднократное прекращение и последующее возбуждение производства по делу, следствие не опросило других заключенных и не назначило экспертизу качества проведенного лечения. Хотя с момента смерти Каимова прошло много времени, производство по делу все еще не закончено.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

42. С самого начала Суд отмечает, что в случаях когда речь идет о нарушении права на жизнь, Суд принимает жалобы от родственников умершего (см. *Aytekin v. Turkey*, 23 сентября 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VII). Таким образом, заявители – мать, дочь и жена покойного Каимова, могут подать жалобу о нарушении Статьи 2 Конвенции в связи с его смертью в заключении.

43. Суд далее отмечает, что их жалобы не являются явно необоснованными по смыслу Статьи 35 § 3 (а) Конвенции и не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо дела

(а) Соблюдение Государством обязанности защищать жизнь

(i) Общие принципы

44. Применимые общие принципы изложены в делах *Karsakova v. Russia* (no. 1157/10, §§ 46-49, 27 ноября 2014 г.); *Geppa v. Russia* (no. 8532/06, §§ 68-72, 3 февраля 2011 г.) и *Slimani v. France*, (no. 57671/00, §§ 27-32, ECHR 2004-IX (выдержки)).

(ii) Применение общих принципов в настоящем деле

45. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что Каимов умер от туберкулеза, находясь под стражей под контролем властей. Чтобы установить, выполнило ли государство-ответчик свое обязательство защищать право на жизнь согласно Статье 2 Конвенции, Суд должен проанализировать, действительно ли власти добросовестно и своевременно сделали все возможное на разумных основаниях, чтобы попытаться предотвратить летальный исход (см. *Karpylenko v. Ukraine*, no. 15509/12, §81, 11 февраля 2016 г.).

46. Суд отмечает, что суть дела состоит в том, действительно ли критические перерывы в лечении туберкулеза у Каимова были результатом его собственного отказа от лекарств или же отсутствия лекарств в учреждении.

47. Принимая во внимание, что информация об обстоятельствах смерти Каимова находится целиком и исключительно в ведении властей, Суд считает, что на Государство-ответчика должно быть возложено бремя доказывания путем предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения своей версии событий.

48. Версия Государства-ответчика подтверждалась главным образом медицинскими записями, сделанными лечившим Каимова врачом в апреле, мае и июне 2010 г. Согласно этим записям, пациент не получал регулярного лечения туберкулеза, поскольку отказался от него (см. выше пп. 15 и 17). Упомянутые врачом «беседы по данному вопросу» не убедили пациента следовать медицинским предписаниям.

49. Суд отмечает, что вышеназванные медицинские записи не были подписаны Каимовым. Отсутствие его подписи в медицинской карте никак не объяснялось. Следовательно, оспариваемые записи не соответствовали прямым требованиям российского законодательства и не могли считаться должным образом оформленным отказом от медицинской помощи (см. выше пп. 36 и 37). Сам по себе этот факт уже вызывает серьезные сомнения в обоснованности доводов Государства-ответчика. Принимая во внимание, что Каимов неоднократно жаловался первой заявительнице и адвокату К. на отсутствие медицинской помощи, Суд не может доверять утверждению Государства о том, что он отказался от лекарств.

50. При указанных обстоятельствах Суд считает, что перерывы в жизненно-необходимом лечении Каимова были необоснованными (см. *mutatis mutandis*, *Karakhanyan v. Russia*, no. 24421/11, §§ 45-50, 14 февраля 2017 г.).

51. Суд уже отмечал важность регулярного и бесперебойного снабжения пациентов необходимыми противотуберкулезными препаратами, указав, что неспособность властей его обеспечить является главным фактором безуспешного лечения туберкулеза (см. *Makshakov v. Russia*, no. 52526/07, § 98, 24 мая 2016 г.; *Gladkiy v. Russia*, no. 3242/03, § 94, 21 декабря 2010 г., и *Yakovenko v. Ukraine* , no. 15825/06, §§ 98-102, 25 октября 2007 г.). С учетом тяжести состояния Каимова Суд считает, что отсутствие доступа к противотуберкулезным препаратам угрожало его здоровью и жизни и могло способствовать летальному исходу. В этой связи Суд делает вывод о том, что в нарушение своих позитивных обязательств согласно Статье 2 Конвенции власти не предоставили Каимову адекватную медицинскую помощь и тем самым не защитили его право на жизнь.

(b) Соблюдение Государством обязательства провести эффективное расследование

(i) Общие принципы

52. Применимые общие принципы изложены в делах *Karpylenko* (цит. выше, § 96) and *Герра* (цит. выше, §86).

(ii) Применение общих принципов в настоящем деле

53. Как отмечает Суд, им ранее было установлено, что если лицо умирает под стражей при обстоятельствах, потенциально позволяющих возложить ответственность на Государство, даже если очевидной причиной смерти является заболевание, статья 2 Конвенции предусматривает обязанность Государства провести адекватное расследование (см. *Karpylenko*, цит. выше, § 96, и *Karsakova*, цит. выше, § 54). Суд считает, что в настоящем деле смерть Каимова под стражей и утверждения заявителей о неадекватном лечении предполагали обязанность государства обеспечить проведение эффективного расследования, как того требует Статья 2 Конвенции.

54. Суд вновь повторяет, что система, требуемая Статьей 2, должна обеспечивать независимое и беспристрастное официальное расследование, которое бы удовлетворяло определенным минимальным стандартам эффективности. (см. *Trubnikov v. Russia*, по. 49790/99, § 88, 5 июля 2005 г.).

55. Из документов, находящихся в его распоряжении, Суд делает вывод о том, что после возобновления в феврале 2015 г. следствие по уголовному делу не было завершено (см. выше пп. 33 и 34). Также очевидно, что не было проведено одно из наиболее важных следственных мероприятий в делах о медицинской халатности, а именно экспертиза качества медицинской помощи. Суд не может игнорировать тот факт, что выводы следственных органов основывались главным образом на показаниях трех сотрудников БДО. Сомнительна ценность показаний одного из сотрудников, врача И., которая в рассматриваемый период отсутствовала в БДО (см. выше п. 41). Кроме того, доверяя показаниям трех сотрудников, т. е. лиц, которых можно было заподозрить в халатности, следствие не предприняло шагов, чтобы опросить заключенных, находившихся с Каимовым в СИЗО, или пациентов БДО.

56. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, Суд делает вывод, что власти не провели тщательного и эффективного расследования утверждений, что смерть Каимова могла наступить в результате неадекватного лечения туберкулеза. Таким образом, имеет место нарушение процедурных обязательств Статьи 2 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* приемлемыми жалобы на отсутствие адекватной медицинской помощи Каимову и на неэффективность расследования обстоятельств его смерти;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части несоблюдения Государством обязательства защищать право Каимова на жизнь;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения Государством эффективного расследования обстоятельств смерти Каимова;
4. *Постановляет*
 - (a) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок выплатить следующие суммы, конвертированные в национальную валюту Государства-ответчика по курсу валюты на день оплаты:
 - (i) 24 000 (двадцать четыре тысячи) евро заявителям совместно, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в порядке возмещения морального вреда;
 - (ii) 3 000 (три тысячи) евро плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в счет возмещения судебных издержек и расходов заявителей; эти средства должны быть перечислены на банковский счет организации SRJI, указанный представителями заявителей;
 - (b) что со дня истечения трех месяцев до дня оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
5. *Отклоняет* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 21 ноября 2017 г., в соответствии с Правилom 77 пп. 2 и 3 Регламента Суда.

Stephen Phillips
Секретарь Секции

Branko Lubarda
Председатель